

М.А. Грачев

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО АРГО XI–XVIII вв.

Когда появилось русское арго? Где и как возникло первоначально? Какие слова можно отнести к арго XI–XVIII вв.? Вот вопросы, до сих пор еще остающиеся загадкой для языковедов, криминалистов и историков.

В отечественной лингвистике есть несколько точек зрения о времени появления арго:

1. Ряд исследователей указывает на то, что арго уходит в глубокую древность [28, 429; 34, 382–383; 35, 352–353; 54, 59–61], но при этом не датируют его происхождение определенным временем.

2. Другие исследователи связывают зарождение арго с Поволжской вольницей [7, 123; 16, 124]. См., например, высказывание В.М. Жирмунского:

... соображения теоретические заставляют думать, что уже "вольные люди", гулявшие по Волге в XVII–XVIII вв., должны были иметь тайный язык (арго – М.Г.), как все подобные объединения деклассированных элементов [16, 124].

3. Приверженцы другой теории предполагают, что арго появилось в XVIII веке [24, 52; 59, 105]. Причем некоторые из них связывают возникновение арго с появлением денежного капитала [59, 105].

4. Четвертая группа исследователей считает, что арго ведет свое происхождение от условных языков различных социальных групп. В. Трахтенберг называл родоначальницей арго отверницкую речь кричевских мещан [55, 102–103], а А. Сидоров – условный язык оfenей [42, 8–9].

5. М.В. Арапов считает, что у деклассированных элементов, нищих, оfenей, прасолов был один социальный диалект, служивший объединяющим началом для данных социумов и позднее распавшийся на ряд условных языков и арго [1, 118].

6. Имеется также особая точка зрения Л.И. Скворцова, считающего, что арго формировалось на рубеже XIX–XX вв., "впитывая в себя элементы распадающихся старших профессиональных говоров" [44, 104].

Две первые точки зрения являются гипотетическими, так как они почти не подкрепляются примерами, разве что приводятся слова волжских разбойников: *сорынь на кичку* – 'бить всех', 'бурлаки! на нос судна!', *по реке волна прошла* – 'за нами погоня', *пустить красного петуха* – 'выстрелить из ружья', 'поджечь дом в деревне' [34, 382; 35, 352–353]. Кроме того, исследователь С.В. Максимов указывает на преемственность арготических слов XIX века с более древним арго [28, 436]. Однако он не привязывает слова к какому-то конкретному времени.

Достаточно сильной позицией является точка зрения ученых, связывающих появление арго с XVIII веком [24, 52; 59, 105]. Именно в XVIII в. в России появляются литературные произведения, в которых впервые зафиксированы арготические слова. Это – "Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений, сочиненное Матвеем Комаровым в Москве" [21]. К ней примыкает рассказ И. Новикова "О лукавом нищем" [33]. Однако арготизмы, зафиксированные в произведениях, В. Каин употреблял гораздо раньше – в 1731–1749 гг. Именно на этот период приходится его преступная деятельность [10, 60]. Можно предположить, что использованные им арготизмы возникли гораздо раньше: во всяком случае, авторы обращают внимание на уже сложившиеся преступные группы, у которых имелось свое арго.

И если в XVIII в. появляются лишь первые доказательства о существовании арго, то в середине XIX в. письменные источники уже говорят о широком, разветвленном арго. Поэтому нам кажутся неубедительными утверждения о том, что русское арго складывалось на рубеже XIX–XX вв. [44, 104]. В это время арго не зарождалось, а окончательно утверждалось в преступном мире России.

Уже в середине XIX в. существовало общеуголовное, тюремное и специализированные арго. Об этом свидетельствуют словари, словари и исследования об арго [13; 28; 48]. Любопытно, что и в "Толковом словаре живого великорусского языка" имеются арготизмы различных категорий деклассированных элементов: грабителей, воров-карманников, шулеров и т.д. О разветвленном арго говорят и некоторые художественные произведения того времени.

Иное дело, что на рубеже XIX–XX вв. происходили в арго определенные процессы: интенсивное заимствование иноязычных лексем и появление новых слов. Но такие процессы в арго наблюдаются постоянно: только в XX в. трижды имело место появление большого количества новых слов: после 1917 г., 1956 г. и в конце 80–нач. 90-х гг.

Утверждение о том, что история арготической лексикографии начинается со словаря В.Ф. Трахтенберга "Блатная музыка. Жаргон тюрьмы"

(1908 г.) [4, 4] нуждается в уточнении. Так, В.И. Даль в 50-е годы XIX в. составляет словарь "Условный язык петербургских мошенников" [13], кроме того, в 1859 году появляется словник "Собрание выражений и фраз, употребляемых с.-петербургскими мошенниками" [48, 63–67]. Нужно также учитывать, что в 1903 году был опубликован "Бояцкий словарь выражений, употребляемых бояками" В. Беца [2].

Нуждается в уточнении и положение о том, что арго ведет свое происхождение от условных языков каких-либо социальных групп, в частности, от кричевских мещан и языка оценей.

Несомненно, лексика оценей сыграла существенную роль в становлении арго, но все же она – только источник пополнения арготической лексики, а не тот социальный диалект, от которого арго ведет своей происхождение. "Отверницкая речь" кричевских мещан, которую В.Ф. Трахтенберг считал родоначальницей арго, сходна с условным языком оценей, см. примеры, приведенные им в словаре: *Еперь у каврюка чуху* – 'укради у господина шубу'; *хлиз в хаз, а то сергей смахиунит* – 'иди в избу, а то дождик замочит'; *клево кургаает* – 'хорошо поет' [55, 102]. Не случайно и профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ сомневался в утверждении В.Ф. Трахтенберга. "Навряд ли эту отверницкую речь, – писал он, – можно считать родоначальницей блатной музыки" [3, 103].

Никакие условные, специальные языки, жаргоны, территориальные диалекты не могли послужить прообразом или базой для арго уже потому, что эти лексические системы функционально отличаются от блатного языка.

Собранный нами фактический материал позволяет утверждать, что арго родилось и формировалось вместе с преступным миром, которому нужно было не только скрывать свои намерения, но и именовать те реалии, для которых не было номинаций в общенародном языке.

Арго создавалось на протяжении длительного времени, по мере объединения различных группировок в один социум – преступный мир. Первоначально группировки деклассированных элементов имели незначительный словарь, но в результате развития межкриминогенных отношений его объем увеличивается.

Отсутствие ранних текстов на арго объясняется следующим:

1. Несовершенством правоохранительной системы. (В России только в 1703 году указом Петра I была учреждена регулярная полиция.)
2. Слова преступников XI–XVIII вв. лишь в небольшом количестве переходили в общенародный язык (ср. активизацию этого процесса в XX в.).
3. Арго существовало, в основном, в границах определенного центра русской преступности (например, в Берлади, Поволжье и т.д.).

4. Авторы летописей часто не знали воровских слов, а если некоторые и знали, то не использовали в своих рукописях, так как относили их к низкому стилю русского языка.

5. Много памятников письменности погибло во время войн, пожаров, стихийных бедствий.

6. Объем арго, как и объем национального языка, в феодальную эпоху был гораздо меньше, чем в настоящее время.

7. Нам кажется, что четкого разграничения социальных диалектов в то время не было, как и не было четкого разграничения между арго и общенародным языком. Наше положение согласуется с точкой зрения В.Н. Ярцевой. "В феодальную эпоху, — пишет она, — социальная стратификация языка может быть мало выражена из-за того, что: ... в эту эпоху социальные диалекты скорее представляли собой ремесленно-профессионально-социальные ответвления языка, общего для данной народности. Иногда эти профессиональные социальные ответвления языка уходят своими корнями в территориальные диалекты" [60, 27]. Она также справедливо утверждает, что социальные диалекты развиваются в постоянном сравнении с литературным языком [60, 43].

А так как литературный язык в феодальную эпоху только формировался, то имеется трудность в вычислении арготизмов. Тем более, что арго раннего периода не было резко противоставлено общенародному языку. В.В. Виноградов считал, что элементы арго, наравне с общеупотребительными профессионализмами, "подвижным фондом выражений из разных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи" входили в просторечие XVII–XIX вв. [6, 387].

При анализе письменных источников нами выявлено около 140 арготизмов, относящихся к XI–XVIII вв. Источниками послужили: словари древнерусского языка, былины, песни разбойников, предания о разбойниках, исследования о преступном мире. При этом мы учитывали авторские указания на них как на арготизмы, семантику (например, *мошонкорез* — 'вор-карманник'), использование их как арготизмов в более позднем арго (например, слова *дуван* — 'добыча', *дуванить* — 'делать добычу', употреблявшиеся в XVIII в. [52, I, 371], использовались и в XVIII в. [30, 167]). Одним из доказательств принадлежности слов *дуван* и *дуванить* к арго является употребление их в разбойничьей песне XVIII в. "Вставай, ты, наш братец...":

Уж наши товарищи
С разбою приехали,
Дуван раздували.
Дуваньте вы, братцы,
Дуваньте, товарищи. [58, 237]

Не исключено, что отдельные арготизмы входили в интержаргонную лексику правонарушителей и представителей правоохранительных органов.

Можно указать с большой долей вероятности на место происхождения ряда арготизмов:

1. Некоторые из них образованы от названий местностей, где базировались деклассированные элементы. Например, *берладник* – 'изгой', 'беглец', 'разбойник' – по местности Берладь в Нижнем Подунавье, где обычно скапливалась эта вольница в XI–XII вв., как позднее – в днепровском Запорожье (см. Ипатьевскую летопись под 1146, 1159, 1152 гг. [17]).

2. Другие слова образовались от лексем языков народов, которые граничили с русскими (например, *ушкайник* – 'новгородский речной разбойник', от *ушкай* – 'род речного судна', а оно из древневепесского *uškui* – 'небольшая лодка' [57, III, 180]).

3. Отдельные арготизмы вошли в территориальные диалекты той местности, где они бытовали (например, от арготического фразеологизма *сорынь на кичку* – 'буллаки! на нос судна!', 'бить всех' [12, 138; 34, 382; 35, 352–353] в диалект вошла лексема *сорынь*, изменив при этом лексическое значение – 'чернь', 'ватага сорванцов'; В.И. Даля считал, что это слово бытовало, в основном, в приволжских губерниях [12, VI, 138]).

Арго функционировало как в крупных городах, где имелись мошенники, грабители, разбойники, так и на окраинах, в районах большого скопления беглых (в Поволжье, на Дону и Урале). Примечательно, что первые известия об арго (XVII в.) связаны с казаками, которые называли свою лексику "ясаком" [28, 442] или "отверницей" [29, 77]. Любопытно, что сами себя донские "воровские" казаки называли "атаманами-молодцами" [28, 442]. Возможно, что *атаман-молодец* – один из арготизмов, ср. с современным арготизмом *человек* – 'профессиональный преступник'.

С определенной степенью уверенности к арготизмам ушкайников и волжских разбойников можно причислить слова:

Шарпать – 'грабить' [41, 167] (у В.И. Даля – с тем же значением [12, IV, 622]), *шарпальник* – 'каспийский пират' [41, 167] (у В.И. Даля *шарпальщик* – 'мародер', 'представитель вольницы', *шарап* – 'грабеж; призыв к грабежу' [12, IV, 622]). К словам *шарап*, *шарпальщик* В.И. Даляр делает помету стар. новг., то есть по своему происхождению они являются древневновгородскими. В арго начала XX в. фразеологизм *брать на шарап* означал 'добиваться чего-л., используя физическую силу' [38, 19].

Бурлаг – 'бродяга', 'сезонный работник' [51, 231]. Бурлаки были социально близки волжским разбойникам – такие же отверженные. Волжские

разбойники нередко внедряли в среду бурлаков своих людей с целью по-следующего грабежа; иногда бурлаки сами грабили хозяев [8, 174–175].

Камышничек – 'разбойник, имеющий притон в камышах'. Оно зафиксировано в песне "Собирался старый казак Илья Муромец...":

Наезжают-то на старого камышнички,
По-русскому воры-разбойнички [49, 47]

У исследователя Ф.В. Ливанова есть любопытный отрывок с использованием слова *камыш*.

По своему географическому положению, – пишет он, – Нижний Новгород и вся приволжская часть его уездов представляет самое лучшее и удобнейшее место для стечения всякого сброва людей, с целью отправиться отсюда по "большой" дороге, по вольному пути (по Волге) в камыши астраханские [25, 143].

В современном арго также имеются слова, родственные арготизму *камышничек*: *камьши* – 'место, где можно надежно укрыться', *камышинка*, *камышовка* – 'лом (как орудие преступления)', *камышить* – 'бездельничать', *уйти в камьши* – 'спрятаться, затаиться'.

Пустить красного петуха – 'выстрелить из ружья' [34, 353], 'поджечь дров в деревне' [34, 353; 35, 382].

Фразеологизм *сорынь на кичку* – 'бурлаки! на нос судна!', 'бить всех', по мнению С.В. Максимова, обозначал еще и 'клади деньги на голову, на шапку' [28, 439]. При этом он неправомерно роднит слов *сары* – 'серебряные деньги' и *сорынь* – 'бурлаки'. *Сары* – это, скорее всего, не серебряные деньги, а просто деньги. Исследователь арго Н.К. Дмитриев и автор "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмер единодушны в том, что слово *сары* (общетюрк. *sary* – желтый) заимствовано из тюркских языков [14, 64; 57, III, 86], а лексема *сорынь*, как и предполагал В.И. Даць, происходит от *сор* и образована с помощью того экспрессивно-собирательного суффикса *-ынь-*, который имеется в словах *жарынь*, *пустынь*, *светлынь*, *теплынь* и т.п. И тогда *сорынь* должно было первоначально обозначать экспрессивно 'соп', 'мусор', а позднее переносно – 'опустившиеся люди', 'низы общества' [9, 29].

Можно предположить, что словом *сорынь* волжские разбойники называли себя, как, например, преступники середины XX в. именовали себя *босяками*. И тогда *сорынь на кичку* являлось призывом главарей волжских разбойников к нападению на судно. С течением времени из-за частого употребления фразеологизм *сорынь на кичку* превратился в боевой клич разбойников, наподобие общезвестного *ура* [8, 174–175].

Арготизм *сары* (*сара*), употреблявшийся волжскими разбойниками, встречался в речи жителей некоторых губерний России [12, IV, 138]. Данная лексема и ее производные зафиксированы также в словарях арго начала XX в. [38, 139; 56, 178].

Общими для ряда объединений деклассированных элементов являлись следующие слова:

Бродник – 'представитель беглых людей, вольницы, пристанищем для которых служили степи в низовьях Днепра и Дона, предшественники донского и запорожского казачества' (время их существования XI–XIII вв.) [18, 365]. В Словаре В.И. Даля *бродник* – сиб. 'бродяга из ссыльных, варнак' [212, I, 129].

Ватага – 'толпа', 'сброд' [12, I, 231], 'тюрьба, стая, шайка' (см. Ипатьевскую летопись под 1184 и 1190 гг. [17]). Займствовано из др. чuv. *vatay*; др. тюрк. *otay* – 'палатка, комната, семья' [57, I, 278].

Калика – 'нищий-бродяга'. Д.Л. Мордовцев утверждал, что *кали(е)ки* были связаны с понизовой вольницей.

Уже в былинах, – пишет он, – Алеша Попович является "кале-
кой перехожим", когда это было для чего-то нужно, то есть
бродягой, не помнящим родства, нищим, чем-то вроде поволж-
ского бурлака или оборвыша понизовой вольницы [30, 231].

В Словаре В.И. Даля *калика* – 'странствующий, верующий, нищенствую-
щий богатырь' [12, II, 78]. Однако этот "нищий" богатырь хорошо одет, см.
отрывок из былины:

Пришел тут к ним (Алеше Поповичу и Ежиму Ивановичу –
М.Г.) | Калика перехожий | Лапатки на нем семи шелков | Под-
ковырены чистым серебром | Шуба соболиная, долгополая [5,
311–312].

Н.Г. Прыжов утверждал, что *калики* имели своего атамана, объединя-
лись в артели (ватаги); "водились за ними грехи – воровство и женский
блуд" [39, 273]. Думается, что *калики* также занимались грабежами и раз-
боем.

Нам кажется, что родственными к слову *кали(е)ка* являются лексемы
нач. XX в. *покалечить* – 'украсть что-л. у своего врага' [36, 49], современ-
ного арго – *калечить* – 'воровать', *закалечить* – 'ограбить; украсть'.

Костарь – 'мошенник' (первоначально – 'игрок в бабки, кости'). П. Ти-
хонов в исследовании "Брянские старцы" утверждает, что первое упоми-
нание этой лексемы приходится на 1546 г. "В старину, – пишет он, – мо-
шенников звали костарями" [53, 8]. В современном арго имеются

родственные слова: *косарь* – 'симулянт; мошенник', *косить* – 'обманывать; симулировать болезнь'.

Лакия (лакиния?) – 'распутная женщина', XV в. [45, 166]. Первоначально этим словом называлась кобыла, ср. с современными арготизмами *телка, вол* – 'особа женского пола легкого поведения'.

Майдан – 'помещение для игры в кости, зернь и т.п.' (1642 г.) [46, 9]. В дорев. арго – 'место игры в карты', 'суконка, на которой играют в карты' [36, 38], в совр. арго одно из значений слова *майдан* – 'воровской притон', у В.И. Даля – 'торг, базар или место на нем, где собираются мошенники для игры в кости, зернь, орлянку, карты' [12, II, 290].

Мешокорезник – 'вор, крадущий кошельки-мошны, путем среза', образов. в XVII в. [46, 284].

Мошенник – 'вор, радущий кошельки-мошны', образов. в XVII в. [46, 284].

Мошинорез, мехорез (1670 г.), мешокорезец, мошонкорезец (1627 г.) – 'то же, что и *мошенник*' [46, 285].

Нечай – 'условный призыв казаков к нападению; разбойничий клич', 'пароль' [23, 143]. Так, сподвижник С.Т. Разина, призывая народ присоединиться к бунту, говорил: "А то-де и у нас ясак (условный клич – М.Г.) "нечай", что вы не чаете царевича и вы-де чайте!" [23, 143].

Охотничек – разбойник. См. отрывок из былины "Далеко-далече, во чистом поле...":

Наезжали же на молодца охотнички,
А по-русскому назвать воры-разбойники [49, 166]

Поленица – 'богатырь; удалец; наездник; разбойник' [57, III, 299]. У В.И. Даля – 'удальцы; ватага шатунов; шайка; вольница'. "По(а)леница удалая, шайка, вольница" [12, III, 258]. Внесем уточнение: это слово, образованное от лексемы *поле*, обозначало полевого разбойника (были и лесные, и волжские, и городские разбойники). В былинах всегда агрессивен.

Резоимец – 'разбойник' (дат. 1400 г.) [52, I, 574].

Стан – 'притон деклассированных элементов' [22, 115].

Становщик – 'содержатель притона' [22, 115]. В арго начало XX в. имеется однокоренное слово *пристань* – 'лицо, занимающееся укрывательством беглых' [55, 49]. В Словаре В.И. Даля *становщик* – стар. и сиб. 'передержатель, пристанодержатель, у кого притон татям и разбойникам' [12, IV, 313].

Шии – 'разбойник, бродяга', впервые в дневнике Маскевича (1611–1612 гг.). Польск. *szysz* 'партизан, разбойник', заимств. из русск., 1600–1640. Источник видят в эст. *šišš* 'разбойник, грабитель' [57, IV, 444]. Производное этого слова *пошишевать* – 'поразбойничать' встречается в преда-

ний "Пугачев в Алатыре" (запись 1860 г.) [32, 232]. У В.И. Даля *шиши* – 'бродяга, вор' [12, IV, 636].

Ясак – 'арго' [28, 442]. С.В. Максимов также свидетельствует, что в Поволжье "ясаком называют до сих пор (сер. XIX в. – М.Г.) всякий незнакомый, непонятный, чужой, иностранный язык. У костромичей ясачный парень – речистый, разговорчивый" [28, 442]. В совр. арго *ясак* – 'тревога'.

Вероятно, общими для деклассированных элементов и правоохранительных органов были слова: *подноготная* – первоначально: 'показания преступника, выбитые при помощи особой пытки – забивания гвоздей под ногти' [35, I, 610]. *Подноготник* – первоначально: ' тот, кто добивается таких показаний', а уже потом 'соглядатай' [57, I, 298].

XVIII век для изучения арго знаменателен: впервые зафиксированы в художественной литературе лексемы деклассированных элементов. Но нам кажется, что не все слова в книгах, описывающих преступную деятельность В. Каина, отнесены исследователями к арготизмам, кроме того, у них имеются противоречия в рассуждениях и некоторые неточности.

Исследование других источников позволило нам также выявить ряд арготизмов, относящихся к XVIII веку.

На наш взгляд, ученые с определенной достоверностью отнесли к арго следующие слова, встретившиеся в книгах о похождении знаменитого преступника В. Каина: *черная дорога* – 'через забор' [43, 141], *черная работа* – 'воровство, грабеж' [27, 146; 28, 438; 30, 34], *холодная изба* – 'колодец' [30, 35; 43, 6], *немиеная баня* – 'застенок' [26, 145], *замиенная баня* – 'застенок; пыточная изба; дыба' [31, 157], *стукалов монастырь* – 'тайная канцелярия' [30, 36; 43, 141], *деревянные кнуты* – 'цепи, которыми молят рожь' [30, 36; 43, 141], *персидский ковер, что соль весят* – 'рогожный куль' [30, 36; 43, 141], *мелкая раструска* – 'погоня' [43, 141], 'тревога' [28, 438; 30, 42], *монастырские четки* – 'кандалы' [43, 41], 'стул, заменявший в то время кандалы и орудие пытки' [30, 52], *пронуть обухом* – 'взломать' [43, 141], *заручка* – 'соучастник; тот, кто прячет и укрывает краденое' [43, 141], *поход* – 'отправление на кражу' [43, 141], 'преступление; воровство' [30, 65], *гостинец* – 'кистень' [30, 73; 43, 144], *вздуть вином, сушишь* – 'пытать огнем' [30, 86; 43, 141], *пошевелиться (в покоях)* – 'оставить улики преступления' [43, 141], *подуть в ухо* – 'начать пытать' [43, 141], *товар с безумного ряда* – 'водка' [28, 436; 43, 141], *сырой* – 'пьяный' [30, 49; 43, 141], *писать левой рукой* – 'тайно сообщать; доносить' [43, 141], *виногор* – 'огонь' [30, 77], *печура* – 'отверстие в берегу, землянка' [30, 86], *купец* – 'вор' [30, 99], *тянуть заповедное серебро и золото* – 'делать фальшивые деньги' [30, 117], *красоуля* – 'бутылка водки' [30, 53], *пристань* – 'притон; тайное убежище для преступников' [30, 56], *качалка* –

'виселица' [26, 145; 28, 438], *тихая милостыня* – 'мошенничество' [26, 145], *дуван дуванить* – 'делить награбленное' [30, 137].

Одним из доказательств отнесения этих слов к арготизмам является употребление некоторых из них в более позднее время – в XIX–XX вв. См. слова: *неминая баня* – 'застенок' [26, 145] (в нач. XX в. *баня* имело значение 'телесное наказание' [36, 14], арготизм *париться* – 'содержаться в полицейском участке; находиться под предварительным следствием' [36, 62]); *сырой* – 'пьяный' (в совр. арго – с тем же значением).

Фразеологизм, похожий на арготическое выражение *заставить рыбу ловить* – 'утопить', зафиксированный Д.Л. Мордовцевым [30, 41], встречается и в исследовании С.В. Максимова, описывавшего арго XIX в. (*пустить рыбу ловить* – 'утопить' [28, 439]), и в сказании "Пугачев в Алатыре", см. контекст: "Ребята, он не пригоден нам, *пустите его рыбу ловить*". Разумеется, казаки тотчас увели наместника и утопили в Сурепеке" [32, 240].

Д.С. Лихачев справедливо утверждал, что арготизмы, употребленные В. Каином, являются не индивидуальными словами. При этом он ссылался на рассказ И. Новикова "О лукавом нищем" [26, 167]. В качестве иллюстрации приведем отрывок из этого рассказа:

Нищий вздумал с товарищи другое *набожное ремесло* (преступление – М.Г.), начал уже собирать с прохожих *подать* (грабить – М.Г.) и ходить по дворам в покой и чердаки за *милостыней* (имуществом, которое можно украсть – М.Г.). Но и сие *мастерство* (преступление – М.Г.) не долго им исполнять удалось, потому что есть *чернецы* (сыщики?, воры? – М.Г.) и на Симонове, так и в Москве не простаки. Как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было и вылезть; отведены были в ссыкной приказ к суду, где *мазали* (били – М.Г.) их по спинам долго об одном конце плетьью, а после парили сухими вениками и трусили на теле зажженные листья. И хотя *баня* (застенок – М.Г.) была и не топлена, но велми жаркой показалась [33, 167].

Этот "язык" напоминает стиль фольклора. См. выдержку одной из песен М. Чулкова, в которой повествуется о прощании смертельно раненного молодца с конем:

Да скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене.
В приданы взял я поле чистое,
Сваха была калена стрела,
А спать положила пуля мушкетная [58, 155]

В другой разбойничьей песне также прослеживается похожий стиль:

Я за то тебя, детинушку, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя столбами с перекладиной [21, 211–212]

В песнях В. Каина также встретились арготизмы: *своеручный* – 'фальшивый' и *постоянник* – 'постоянный посетитель кабака', см. контекст: "А у нас, братцы! пашпорты *своеручные* | *Своеручные* пашпорты, все фальшивые" и "*Постоянники* все нас ругают | *Авантажа* в руках вить не знают" [21, 387].

Интерес представляют и два выражения В. Каина:

1. *Когда маз на хаз, то и дульяс почас* [28, 439; 43, 142]. Оно практически состоит из арготизмов: *маз* – 'атаман', *дульяс* – 'огонь; свет', *почас* – 'погас' (т.е. "когда атаман вошел в избу, то и огонь погас").

2. У второго выражения имеется разнобой в написании. У М. Комарова: "*Трека калач, ела стромык, сверлюк, страктирила*" [21, 55]; у С.В. Максимова: "*Трека калач ела, стромык сверлюк страктирила*" [28, 439]; у Д.Л. Мордовцева: "*Триока калач ела, стромык сверлюк страктирила*" [30, 53], у В.В. Сиповского: "*Триока качь ела, стромык сверлюк страктирило*" [43, 142]. В переводе этого выражения разногласий нет – "тут ключи в калаче для отпирания цепи". К сожалению, никто из исследователей не разъяснил дословно это высказывание (записку).

Попробуем расшифровать. Несомненно, что *сверлюк* обозначает ключ (образование этого слова произошло путем функционального переноса значений и при помощи суффикса *-юк*: ключ как бы сверлит замок). Однокорневым к арготизму *стромык* является слово *стремя*, одно из значений которого – 'всякая оковка или отдельная часть устройства' [12, IV, 339], следовательно, арготизм *стромык* обозначал кандаленную цепь. К слову *трека* (*триока*) однокорневыми являются лексемы *трекать*, *трогать* – 'ощупывать', *трекнуться* – 'заметить'; *опохватиться* [36, 86], *трекаться* – 'тревожиться' [36, 86]. И можно предположить, что *трека* (*триока*) обозначало призыв к вниманию. Непонятным является слово *ела*: ни оно, ни его производные не встречаются ни в арготических письменных источниках, ни в диалектных, ни в общенародных словарях. Но в условном языке мелких торговцев г. Кашина имеются лексемы *ела* – 'есть', *неела* – 'нет' [47, 100]. Вероятно, данная лексема была либо интержаргонным словом (общим для преступников и торговцев), либо какой-то из этих социумов заимствовал у другого. В неопубликованном труде В.И. Даля ("Словарь русско-офицерский") имеется лексема *еила* – 'есть' с пометой кост. [11, 37], т.е. употребляемого в среде костромских офицеров. Единственным темным словом является лексема *страктирила(о)*: родственных

слов или аналогов для него нет в письменных источниках. Но так как все остальные компоненты анализируемого выражения уже известны, то можно предположить, что оно и было связано с глаголом *отпирать*.

Перевод этой арготической фразы будет несколько иным, чем у других исследователей: "Будь внимателен: в калаче есть (находится) ключ для отпирания цепи". Как видим, здесь не только констатация факта, но и призыв к действию.

Кроме указанных слов, к арго XVIII в. можно причислить и ряд других лексем, например:

Кат – 'палач'. М. Фасмер утверждал, что оно появилось в эпоху Петра I; заимствовано через польский язык, причем польскую форму объясняет как арготизм или табуизм из баварского *kat(e)*, ср.-в.-н. *gat*, пов.-в.-н. *Gate* – первоначально 'подручный палача' [57, II, 208]. Но у В.И. Даля есть несколько иное объяснение слова *кат* – от *катать* – 'бить' (т.е. *кат* – ' тот, кто бьет'). Хотя в этом случае В.И. Даляр неправомерно роднит лексему *кат* со словом *каторга* [12, II, 98]. Слово *кат* также имело значение 'сыщик', см. пословицу: "Не на каждого вора по *кату* (по сыщику) держать" [12, II, 98].

Сходцы – 'бродяги' [31, 226].

Гетманец – 'выходец из Запорожской сечи'. 'Нигде не приютившиеся остатки гайдамачины, сечевики и "гетманцы", как их называли в Поволжье, – пишет Д.Л. Мордовцев, – запорожцы участвуют в "шалостях" понизовой вольницы" [31, 201].

Батажка – 'предводитель, атаман разбойничьей шайки' [20, 555].

Характерник – 'человек, который за свое удальство в разбоях и битвах прослыл у товарищей за волшебника' [20, 556].

У С.В. Максимова также встречаются арготизмы, которые, по его мнению, являются древними. Хотя он и не указывает точное время их функционирования, можно предположить, что они родились не позже XVIII века: *хлын*, *хлыновец* – 'мошенник', *углецкий выемщик* – 'разбойник', *самосуд* – 'самоубийство', *камчатка* – 'железная клетка, в которой возили на казнь', *нагой* – 'болтливый на допросах', *волчьи гнезда* – 'разбойничьи притоны', *волна* – 'погоня', *волна ходит* – 'погоня послана' [28, 438].

Выводы о происхождении русского арго:

1. Для формирования русского арго были важны центры преступности: Дон, Поволжье, Берладь, крупные города.

2. В раннюю феодальную эпоху (XI–XV вв.) арго существовало раздробленно, в территориальных диалектах, хотя подвижный характер де-

классированных элементов способствовал образованию общеуголовной лексики. Окончательно русское арго сформировалось в начале XVIII в.

3. Можно предположить, что четкого разграничения арго и общенародного русского языка в XI–XVIII вв. не было.

4. Арго в определенной степени был тем источником, который пополнял язык юридических бумаг: в XI–XV вв. у правоохранительных органов и деклассированных элементов были общие слова. В то время в официально-деловом стиле периодически возникала потребность в номинации тех реалий, которых не было среди законопослушного населения, но существовали среди криминогенных групп.

5. Для арго XI–XVIII вв. были характерны развернутые метафоры: *пустить рыбу ловить* – 'утопить' [28, 435], *стукалов монастырь* – 'тайная канцелярия' [30, 36], *тянуть заповедное серебро* – 'делать фальшивые деньги' [30, 117]. В определенной степени это роднило арго с языком устного народного творчества; возможно, оно так и воспринималось народом.

6. Анализ арготизмов XI–XVIII вв. позволяет нам сделать вывод о том, что уже в это время существовала разветвленная преступность: волжские, полевые, лесные разбойники, грабители, мошенники, воры-карманники; имелось общеуголовное, тюремное и специализированное арго. Преступления того времени, как свидетельствуют арготизмы, носят, в основном, открытый характер, однако появляются и элементы тайных противоправных деяний, например, фальшивомонетчество.

7. Арго зародилось не в одном каком-либо месте и не от одной какой-либо социальной группы, а является неотъемлемым атрибутом криминогенной среды; оно появилось вместе с возникновением преступности, так как уголовники всегда стояли перед фактом создания номинаций для тех реалий, которые имелись в их среде и отсутствовали в законопослушном обществе.

8. Можно предположить, что ранних арготизмов (XI–XVIII вв.) перешло в литературный язык гораздо больше, чем за два последних века. Этому способствовал ряд факторов:

а) отсутствие большого количества номинаций в общенародном языке для обозначения тех реалий, которые имели место в криминогенной среде;

б) не было четких различий между арго и общенародным языком; по своей эмоционально-экспрессивной окраске арготическая лексика внешне напоминала народно-поэтическую; не случайно ряд арготизмов зафиксирован в народных песнях, сказаниях, былинах;

в) на арготизмах XI–XVIII вв. еще не было такой печати антиобщественной направленности, какую имели арготизмы XIX–XX вв.;

г) большинство арготизмов раннего периода, в конце XVIII – нач. XIX вв., когда сформировался литературный язык, практически нейтрализова-

лись в общенародном языке и уже не ощущались как лексемы преступного мира, сохранив при этом меткость и афористичность.

Библиография

1. Арапов, М.В. 1968. "Откуда слово офеня?", *Русская речь*, 117–119.
2. Бец, В. 1903. *Босняцкий словарь выражений, употребляемых босняками*, Одесса: Изд. Е.Е. Свистуновой.
3. Бодуэн де Куртенэ, И.А. 1963. "'Блатная музыка' В.Ф. Трахтенберга", *Избранные труды по общему языковедению*, М.: Наука, Т. II, 161–162.
4. Быков, В. 1994. *Русская феня*, 2-е изд. Смоленск: Траст-Имаком.
5. *Былины*, сост. В.И. Калугин, М.: Современник, 1991.
6. Виноградов, В.В. 1935. *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*, М.; Л.: Academia.
7. Галкина-Федорчук, Е.М. 1954. *Современный русский язык: Лексика. Курс лекций*, М.: Изд. Моск. ун-та.
8. Грачев, М.А. 1994. "За нами волна: О жаргоне волжских разбойников", *Волга*, №1, Саратов, 174–175.
9. Грачев, М.А. 1990. "Отражение в памятниках письменности слова сары и его производных", *Происхождение слов в древнерусском и русском языках. Межд. сб. науч. трудов*, Нижний Новгород, 27–33.
10. Гуров, А.И. 1990. *Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее*, М.: Юрид. лит.
11. Да́ль, В.И. 1854–1855. *Словарь русско-офицерский*. Писарская копия в переплете, СПб.: Санкт-Петербургская б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд 234, ед. хр. 7.
12. Да́ль, В.И. 1994. *Толковый словарь великорусского языка в 4 т.*, М.: Терра.
13. Да́ль, В.И. 1990. "Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка", *Вопросы языко-знания*, 1, 133–137.
14. Дмитриев, Н.К. 1931. "Турецкие элементы в русских арго", *Язык и литература*, Л., Т. VII, 159–179.

15. Жигулев, А.В. *Черные камни*, М.: Современник.
16. Жирмунский, В.М. 1936. *Национальный язык и социальные диалекты*, Л.: Худож. литер.
17. Ипатьевская летопись [Воспроизведение текста издания 1908 г.], Полное собр. русских летописей в 34 т., М.: Изд. вост. лит., Т. II.
18. Карагеев, М.Д. 1993. *Русь и Орда: Историч. трилогия в 2-х т.* Т. 2, М.: Современник, Сиб. отд.
19. Кармен [Л.О. Корнман], 1904. *На дне Одессы*, Одесса: Изд. Е.Е. Свиристиной.
20. Козловский, И.Е. 1863. "Поляки на Заднепровской Украине в XVIII в.", *Русский вестник*, М., Т. V, 509–559.
21. Комаров, М. 1794. *Обстоятельный и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и разными забавными его песнями. Второго: французского мошенника Картуша и его сотоварщицей*, 3-е тиснение, СПб.
22. Котошкин, Г. 1906. *О России в царствование Алексея Михайловича*, 4-е изд, СПб.: Тип. Главн. упр. уделов.
23. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов: в 2 т., сост. Е.А. Швецова, Т. II, Ч. 1, М.: Изд. АН СССР, 1957.
24. Леонтьев, А.А., Шахнарович, А.М., Батов, В.И. 1977. *Речь в криминалистике и судебной психологии*, М.: Наука.
25. Ливанов, Ф.В. 1872. *Раскольники и острожники*, СПб.: Тип. М. Хана, т. 1.
26. Лихачев, Д.С. 1993. "Арготические слова профессиональной речи", *Русский текст*, № 1, СПб, 139–169.
27. Лихачев, Д.С. 1992. "Черты первобытного примитивизма воровской речи", Балдаев, Д.С., Белко, В.К., Исупов, И.М., *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы*, Одинцово: Края Москвы, 354–398.
28. Максимов, С.В. 1871. *Сибирь и каторга*, СПб.: Тип. А. Траншеля.

29. Масса, И. 1937. *Краткое известие о Московии в начале XVII в.*, М.: Соцэгиз.
30. Мордовцев, Д.Л. 1876. *Ванька Каин: Исторический очерк*, СПб.: Тип. А. Грацианского.
31. Мордовцев, Д.Л. 1871. "Участие семинаристов в народных движениях прошлого века", *Заря*, окт.-нояб., 1871, 188–254.
32. *Народная проза*, сост. С.Н. Азбелев, М.: Сов. Россия, 1992.
33. Новиков, И. 1989. "О лукавом нищем", *Повести разумные и замысловатые*, М., 442–443.
34. "Об условном языке прежних волжских разбойников", *Московский телеграф*, 1828, № 23, 382–383.
35. "Объяснение нескольких слов условного языка волжских разбойников", *Московский телеграф*, 1823, № 7, 352–353.
36. Попов, В.М. 1912. *Словарь воровского и арестантского языка*, Киев: Тв-во "Печатня" С.П. Яковлева.
37. Потапов, С.М. 1927. *Словарь жаргона преступников (Блатная музыка)*, М.: Нар. ком. внутр. дел.
38. Преображенский, А.Г. 1859. *Этимологический словарь русского языка в 2-х т.*, М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей.
39. Прыжков, И.Г. 1992. "Нищие на святой Руси: Материалы для истории общественного и народного бытия в России", *История кабаков в России*, М., 259–320.
40. Розин, М.В. 1988. "Психология московских хиппи", *Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: Сб. науч. ст.*, М., 44–69.
41. Сайгушев, Н. 1993. "Разбойники на волге", *Волга*, № 1, Саратов, 163–168.
42. Сидоров, А. 1992. *Словарь блатного и лагерного жаргона: Южная феня*, Ростов н/Д.: Гермес.
43. Сиповский, В.В. 1902. "Из истории русского романа XVIII в." *Известия ОРЯС*, Т. VII, кн. 2, 95–191.
44. Скворцов, Л.И. 1979. "Жаргон", *Русский язык: Энциклопедия*, М.

45. Словарь русского языка XI–XVII вв., Гл. ред. Ф.Г. Филин, М.: Наука, Вып. 8, 1981.
46. Словарь русского языка XI–XVII вв., Гл. ред. Ф.П. Филин, М.: Наука, Вып. 9, 1982.
47. Смирнов, И.Т. 1902. "Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губернии и их условный язык", *Известия ОРЯС*, Т. VII, кн. 3, 89–114.
48. "Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре с.-петербургскими мошенниками", *Северная пчела*, № 282, 1859.
49. Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях: В 2 т., Т. 1, Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977.
50. Солженицын, А.И. 1963. *Один день Ивана Денисовича*, М.: Сов. писатель.
51. Срезневский, И.И. 1958. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т.*, 3-е изд., М.
52. Срезневский, И.И. 1989. *Словарь древнерусского языка: В 3 т.*, Т. I, Ч. 2, М.: Наука.
53. Тихонов, П. 1895. *Брянские старцы: Тайный язык нищих. Этимологический очерк*, Брянск: Тип. В. Арцишевского.
54. Тонков, В.А. 1930. *Опыт исследования воровского языка*, Казань: Изд. Казан. ун-та.
55. Трахтенберг, В.Ф. 1908. *Блатная музыка (Жаргон тюремы)*, Под ред. и с предис. И.А. Бодуэна де Куртенэ, СПб.: Тип. А.Г. Розена.
56. Фабричный, П. 1923. "Язык каторги", *Каторга и ссылка*, № 6, Иркутск, 177–178.
57. Фасмер, М. 1986. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.*, М.: Прогресс.
58. Чулков, М.Д. 1774. *Собрание разных песен: В 4 ч.*, Ч. 4, Спб.
59. Шор, Р.О. 1926. *Язык и общество*, 2-е изд. М.: Работник просвещения.
60. Ярцева, В.Н. 1969. "О территориальной основе социальных диалектов", *Норма и социальная дифференциация языка*, М., 26–46.